

в рамках тринитарных воззрений он основное внимание уделяет Христу, причем наблюдается преимущественный акцент на божественной природе Спасителя. В то же время Леонтий постоянно констатирует, что Христос есть «единный и тот же самый» и его человеческие чувства доказывают истинность Воплощения, благодаря которому Сын стал «посредником» между Отцом и людьми. Большое значение в своих проповедях Леонтий придает и Богородице, которая рассматривается им по контрасту с Евой. Не обходит он молчанием и дьявола, которого наделяет такими эпитетами, как «безликий», «коварный», «идолопоклонник» и т. д. Характерно, что в глазах проповедника между дьяволом и иудеями существует теснейшая связь; дьявол является также и родоначальником ересей (с. 51—54).

Затем издатели отмечают, что проповеди Леонтия дошли до нас в гомилевтических и агиографических сборниках и что число рукописей подобных сборников простирается до ста. Причем отдельные проповеди представлены в них неодинаково: проповеди I, VIII и IX сохранились в двух манускриптах, II — в десяти, III — в двадцатью одним, IV и XI — в девяти, V — в двенадцати, VI — в шестнадцати, VII — в трех и X — в пятидесяти двух. Хронологически вся рукописная традиция подразделяется на три группы: первая (33 рукописи) относится к IX—XI вв., вторая (34 рукописи) — к XII—XIV вв. и третья (33 рукописи) — к XV в. и позднее. Причем шесть наиболее древнейших рукописей указывают на Константинополь как на место своего происхождения, что еще раз подтверждает факт историчности личности Леонтия, бывшего пресвитером столичного града. Из одиннадцати гомилий Леонтия только проповеди VII—X увидели свет раньше в доступных изданиях; остальные публикуются практически впервые (с. 54—59). После такого общего введения в томе печатаются тексты 11 гомилий, каждая из которых предваряется небольшим предисловием, содержащим краткий обзор рукописной традиции данной проповеди (с. 63—365). Вторая часть тома (с. 367—448) включает в себя тексты трех гомилий, которые приписывались Иоанну Златоусту, но которые, как доказывают издатели, опираясь на анализ стиля и содержания их, принадлежат на самом деле Леонтию Константинопольскому.

Таким образом, и второй из рецензируемых томов как бы «открывает» для нас еще одного византийского писателя, малоизвестного и малоизученного. Естественно возникает вопрос: в чем же заключается основное значение вновь опубликованных текстов данного автора. Думается,

что частичный ответ на него дали К. Датема и П. Аллен, указывающие на богословскую малооригинальность Леонтия Константинопольского. Как это ни кажется странным на первый взгляд, но именно в том, что он является мыслителем, «вне хватающим звезд с неба», и состоит главная ценность его произведений. В одной из наших предшествующих работ уже подчеркивалось, что в VI в. большое место в жизни византийского общества и церкви занимали христологические споры. Необходимость борьбы с монофизитством и несторианством выдвинула на первый план целую плеяду православных писателей, принадлежавших к течению «философствующего богословия». Среди них наиболее видное место занимали тезки и современники Леонтия Константинопольского — Леонтий Византийский и Леонтий Иерусалимский. Но наряду с этим течением в византийском православии VI в. существовала и иная тенденция, которую можно назвать «вне-философской»¹². К ней и принадлежал Леонтий Константинопольский. Его сочинения показывают, что, как бы глубоко ни волновали византийцев эпохи Юстиниана христологические споры, они были лишь одной из многих граней их бытия, и, возможно, не самой существенной. Обычного человека той эпохи поглощали ежедневные заботы, и, как правило, лишь на короткое время он мог отрешиться от земной суеты, вступая по воскресениям и большим праздникам в храм божий. Здесь он молился и слушал проповедника, называющего его в самых элементарных основах духовной жизни и наставляющего в главных истинах христианского вероучения. Естественно, что пастырь, произнося подобные проповеди, должен был ориентироваться на духовный уровень и образ мыслей своего «словесного стада». Следовательно, гомилии Леонтия, как и аналогичные сочинения других византийских проповедников, в определенной мере отражают данный образ мыслей и позволяют нам проникнуть в глубинные пласты «массового сознания» византийского общества того времени. А это таит в себе неисчерпаемые возможности для исследователя византийской культуры, ибо в его поле зрения в таком случае попадают не только «верхние этажи» ее, но и «нижние слои» данной культуры, которые обычно бывают сокрыты под густой целеной литературного молчания.

А. И. Сидоров

¹² См.: Сидоров А. И. Иоанн Грамматик Кесарийский (к характеристике византийской философии в VI в.) // ВВ. 1988. Т. 49. С. 81—99.